

УДК 81'28:811.161.1
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-78-89
<https://elibrary.ru/glumda>

EDN GLUMDA

Без-префиксальные дериваты корней -голос-/-глас- и -молв- в истории русского литературного языка и в говорах: семантико-мотивационный аспект

Попова Наталия Александровна

магистрант, лаборант-исследователь кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. singyoutosleeppp@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7369-054X>
ResearcherID: LBI-3163-2024

Статья поступила в редакцию 21.09.2024
Одобрена после рецензирования 05.10.2024
Принята к публикации 13.02.2025

Информация для цитирования

Попова Н. А. Без-префиксальные дериваты корней -голос-/-глас- и -молв- в истории русского литературного языка и в говорах: семантико-мотивационный аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 78–89. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-78-89. EDN GLUMDA

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению без-префиксальной лексики, образованной от корней -голос-/-глас- и -молв-, в истории русского литературного языка и в говорах. Основная цель исследования – выявление семантико-мотивационного своеобразия обозначенных словообразовательных гнезд, которое дает возможность охарактеризовать особенности метаязыковой рефлексии носителей языка в русской лингвокультурной традиции. В работе анализируется семантика без-производной лексики, предлагаются мотивационные решения для нетривиальных случаев развития семантики данной лексической группы, описываются особенности функционирования лексем в литературном варианте языка и в говорах. Выясняется, что мотивационный признак отсутствия голоса скрывается во внутренней форме слов, называющих качества человека преимущественно негативного характера; с отсутствием же молвы, наоборот, связываются, скорее, социально одобряемые человеческие характеристики и качества. Анализ семантики описанной в работе лексики и контекстов, в которых она употребляется, показывает, что подобные различия свидетельствуют о ценностях носителей языка: умение верно распорядиться «инструментами» коммуникации мыслится как более важное, чем собственно наличие и состояние этих «инструментов».

Ключевые слова: диалектология; историческая лингвистика; префиксы; словообразование; семантико-мотивационная реконструкция.

Метаязыковая информация может храниться в речи носителей языка в разных вариантах. Один из способов ее представления – номинативные единицы, которые называют разные виды и особенности проявления речевой деятельности. В таком случае следы метаязыковой рефлексии скрываются во внутренней форме слов и выска-

зываний с «речевыми» значениями (см. подробнее: [Бондаренко 2021: 26–27]).

В настоящей работе будут рассмотрены без-префиксальные дериваты основ -глас-/-голос- и -молв-, обнаруженные в исторических, фразеологических и диалектных словарях русского языка, а также в лексической картотеке Топонимической

экспедиции Уральского федерального университета. Такое объединение объясняется тем, что выбранные производящие лексемы характеризуют собственно речевую сторону языковой деятельности (голос – инструмент говорящего, молва связана с деятельностью слушающего) и дают большое количество производных. Путем семантико-мотивационного анализа обозначенных без-derivатов и их семантики в истории русского литературного языка (условно к анализу привлекаются не только древнерусские и старорусские факты (XI–XIX вв.), но и старославянские, а также церковнославянские) и в говорах мы надеемся получить возможность охарактеризовать некоторые особенности метаязыковой рефлексии носителей языка в русской лингвокультурной традиции.

Почему мы обращаемся к лексике с приставкой *без-*? В работе «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики» А. Ф. Журавлев, реконструируя фрагмент праславянской ценностной системы путем анализа слов с приставкой **bez-*, приходит к выводу о том, что сама по себе способность слова образовывать дериваты с приставкой **bez-* свидетельствует о высокой значимости реалии, называемой этим словом [Журавлев 1999]. Представляется важным рассмотрение *без-*префиксальной лексики, номинирующей процесс говорения, с целью реконструкции и характеристики представлений о языке и речи, являющихся, в свою очередь, фрагментом этнокультурной картины мира носителя русского языка.

Отметим, что изучение *без-*префиксальной лексики тематической группы «язык и речь» имеет свою традицию и предпринимается, в частности, в статьях С. П. Обнорского «Префикс “без-” в русском языке» [Обнорский 1960], Л. Г. Гусевой «Слова с префиксом *без-* (*бес-*) в устаревшей уральской лексике» [Гусева 1999], в сборнике статей «Язык о языке» под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой [Арутюнова и др. 2000], а также в диссертации О. Д. Суриковой «Лексические единицы с приставкой и предлогом *без* в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты» [Сурикова 2016].

Голос

Пожалуй, самое закономерное и очевидное развитие значений *без-*префиксальных дериватов от основ *-голос-* и *-глас-* связано с семантикой чисто акустического характера, то есть с семантикой **различного рода голосовых повреждений**. Литературный язык в его истории дает следующие материалы: ст.-рус. *обезгласети* ‘лишиться голоса, охрипнуть’ (СлРЯ XI–XVII вв.,

вып. 12: 29), XIX в. *безгласие/безголо-сица/безголовье* ‘болезненное состояние, в котором человек лишен голоса, говорит шепотом’ (Даль, т. 1: 149), XVIII в. *безгласие* ‘потеря голоса, хрипота’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 101). Аналогичны диалектные примеры: урал. *безголо-сица* ‘потеря голоса, отсутствие способности говорить или петь’ (Бир.: 182), ‘человек, потерявший голос по болезни’ (СРНГ, вып. 2: 185), башк. *обезголосеть* ‘лишиться голоса, охрипнуть’ (СРГБ: 219), томск. *безголосить* ‘лишиться голоса’ (СРСГСЧБРО, 26), урал. *безголосый петух* ‘человек со слабым или совсем потерянным голосом’ (Бир.: 182). От семантики голосовых повреждений развитие значения дошло до значения **неспособности к пению**. Лексемы с данной семантикой мы встречаем как в истории языка: ст.-рус. *безгласный* ‘не умеющий петь’ (СДРЯ, т. 1: 113), так и в диалектах: урал. *петух безголосый* ‘о человеке, не имеющем голоса, плохо поющем’ (Бел., 54), урал. *безголосица* ‘тот, у кого плохой или слабый голос (в пении)’ (СРНГ, вып. 2: 185), перм. *как баран безголосый* ‘низким голосом’ (СРСГСПК, вып. 1: 59).

Семантика **молчания и немоты** также обнаруживается среди *без-*префиксальных производных данного гнезда. Развитие настоящего значения можно связать с представлениями о крайних формах проявления голосовых повреждений. Так, в исторических словарях мы находим следующие лексемы: ц.-сл. *безгласие* ‘молчание, или состояние немого’ (Ал., ч. 1: 49), *обезглас-нети* ‘лишиться способности говорить, потерять голос’ (Ал., ч. 3: 125), *безгласной/ый* ‘лишенный способности говорить; немой’ (Филк.: 100), ст.-рус. *безгласно / безгласне* ‘безмолвно, тихо’ («*прилучися убо представление его [епископа Арсения] вскоре безгласно, и никтоже о семъ да дивится, понеже... мнози же и грешники не нужною, но тихою и кроткою смертию разлучаются от тела*») (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 101), XVIII в. *безголосая собака* ‘гончая собака, не подающая голоса при преследовании зверя’ (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 167), XX в. *нем как безголосая рыба* ‘об упорно молчащем человеке’ (РБСС: 620). Что касается данных говоров, то они представлены такими фактами: перм. *безголосый* ‘молчаливый или молчащий’ (СРНГ, вып. 2: 185), влг., забайк. *безгласно/ый* ‘лишенный способности говорить’ (Майор.:38; Мишн.: 13), перм. *безгласить / безголосить* ‘молчать’ (Пор.: 37).

Примечательно, что отсутствие голоса у человека может мыслиться как признак **отсутствия жизни**. Так, в Словаре русского языка XI–XVII вв. находим прилагательное *безгласный* и его контекстное значение ‘о мертвом’: *Не было такого человека, которой не плакаль на него смот-*

ря: потому вчера съ нами, а ныне безгласень лежит (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 101). Подобное развитие семантики иллюстрирует связь между оппозициями «звук – молчание» и «жизнь – смерть», закрепившимися в народном сознании: голос в таком случае становится маркером мира живых, безголосие – маркером мира мертвых, иного мира (см. подробнее: [Славянские древности 1995: 510]).

Еще один путь развития значений лексики рассматриваемого гнезда погружен в коммуникативную ситуацию: отсутствие голоса, молчание человека осмысляются в связи с его способностью ответить, противостоять кому-л. в случае конфликта, отсюда у без-префиксальной лексики развивается **семантика безответности, покорности**: ц.-сл. *безгласен* ‘покорный, молчащий’ (Гильт.: 66), при этом покорным в данном контексте назван Христос, поэтому мы можем сказать, что употребление имеет скорее положительную оценку (яко агнецъ прямо стригущему его безгласень) (там же), а вот уже в XVIII в. *безгласный* ‘безответный; не имеющий никакого оправдания’ фиксируется с оценкой противоположной: «Вина делает его безгласнымъ» (САР 1806, ч. 1: 127).

Далее семантика и в исторических материалах, и в диалектных расширяется до значения **беспомощности вообще**: XIX в. *безгласный* ‘не могущий оглашать своего мнения, по обстоятельствам или по недостатку воли, самостоятельности; человек без веса и влияния’ (Даль, т. 1: 149–150), *безгласность* ‘состояние человека, не могущего подать своего голоса, высказать своего мнения; || безвластие, бессилие в делах, распоряжениях’ (там же: 150), забайк. *безгласной* ‘такой, который не может защитить себя, требует ухода за собой; бесправный, беспомощный’ (Майор.: 38). Затем мы наблюдаем вполне закономерное расширение семантики, связанное с представлениями о **бесправности**: так, в истории языка XIX в. встречаем *безгласный* ‘не имеющий законного права подавать голос’, *безгласить* ‘лишать голоса, власти’ (Даль, т. 1: 150), а в говорах – урал. *безголосица* ‘лишенный права голоса на выборах’ (Бир.: 182), перм. *безголосить* ‘лишать голоса, власти’ (СРНГ, вып. 2: 185). Заметим, что возможно также и дальнейшее развитие семантики от неспособности или невозможности возразить кому-л., объяснить свою точку зрения к **необоснованности** чего-л.: забайк. XVIII в. *безгласной* ‘лишенный каких-л. оснований; необоснованный’ (*И еще безгласныя на меня Поспелова чинить в ответе доказательства*) (Майор.: 38).

Следующее ответвление развития семантики в истории литературного языка обнаруживает значение **неявности, неочевидности**: ц.-сл. *без-*

гласно ‘тайно, скрыто’ (Филк.: 100), *безгласный* ‘не зарегистрированный, неоглашенный’ (там же), XVIII в. *безгласное дело* ‘дело не обнаруженное’ (САР 1806, ч. 1, 129), *довод безгласный* ‘называется в суде такой довод, которой не от доносителя или свидетеля представлен, но из некоторого обстоятельства выведен’ (САР 1789, ч. 1: 533), *безгласной* ‘не объявленный, не взятый на учет, принятый без регистрации’ (Майор.: 38). Отметим также, что в случае ц.-сл. наречия *безгласно* общее значение неявности обретает особый оттенок **скрытности, тайности**. Продолжением развития семантики неявности, неочевидности можно считать значение **поссессиивности** в смол. *безгласный* ‘ничей, никому не принадлежащий’ («И дошедъ до безгласной земли пустоши Захарковой») (Сл.Смол.: 26). Ср. XVIII в. *огласить* ‘назначить, назвать, провозгласить кем-либо’, *огласиться* ‘страд. к огласить’, *огласка* и под. (СлРЯ XVIII в., т. 16: 160–161), а также перм. *гласить* ‘показывать, означать’ (СРНГ, вып. 6: 193), смол., костр. *гласить* ‘указывать’ (Добр.: 127; ЛКТЭ). Судя по приведенному контексту, в данном случае *безгласный* значит «неназванный, незарегистрированный, не объявленный чьим-либо».

Наконец, отметим семантику **бесславия** в случае существительного *безгласие* ‘посрамление’, обнаруженного в тексте словаря к Геннадьевской Библии конца XV – начала XVI в. (см. подробнее: (Лев.: 326)). А. Н. Левичкин сопоставляет данное в словаре слово и его значения со списками Геннадьевской Библии из собр. М. П. Погодина (*спимъ в постыдѣнѣи нашем, и покрыть их безгласие наше. яко господу богу нашему съгрѣшихом мы и вѣи наши, в юности нашиа даж до сег дне. и не слышахом гласа господа бога нашего*) и из Библиотеки РАН (*Сним в постыдѣнѣи нашем и покрыет нас безгласіе наше яко господу богу нашему съгрѣшихом мы и вѣи наши в юности нашеа даж до сего дне: и не слышахомъ гласа господа бога нашего*) и обнаруживает, что во всех трех рукописях функционирует одна и та же лексема в одном и том же контексте (Лев.: 326), что позволяет говорить о правомерности выделения значения ‘бесславие’ у др.-рус. *безгласие*. Рассматриваемое слово соответствует лат. *ignominia* ‘лишение доброго имени, бесчестье, позор, опорочение’ (Двор.: 487) в следующем контексте: *dormiemus in confusione nostra et operiet nos ignominia nostra quoniam Domino Deo nostro peccavimus nos et patres nostri ab adolescentia nostra usque ad hanc diem et non audivimus vocem Domini Dei nostri* (Лев.: 326). Стоит присмотреться к этимологии лат. *ignominia* и заметить, что слово образовано от лат. *nomen* ‘имя’ и *ig-* ‘не-’, а значит, рус. *без-*

гласие является словообразовательной калькой с латинского в данном контексте. Тем не менее не совсем ясно, почему именно корень *-глас*-/*-голос*- стоит в русском там, где латинский язык говорит об *имени*. Быть может, ответ на данный вопрос можно найти в особенностях понимания таинства исповеди. Исповедь, как и покаяние, связывается с преодолением, во-первых, стыда и позора, которые навлекались на человека грехом, во-вторых, с преодолением греха как такового, ср.: «Тут не довольно того, чтобы, как при крещении, раскаяние было только добросовестное: надобно еще, чтоб оно засвидетельствовано было внешними подвигами. Обряд сей именуется у нас обыкновенно *исповедью*, посредством которой мы исповедуем пред Богом грехи наши, не потому, чтоб Он не знал их, но потому, что исповедание сие есть начало исправления и удовлетворения за грехи. Исповедание привлекает раскаяние, а раскаяние умиряет Господа. Исповедание сокращает и унижает человека: оно пременяет его и делает достойным небеснаго Божия милосердия; оно повелевает ему пребывать в пепле и вretiще, и погружать душу свою в горесть, дабы очистить ее чрез страдание» [Тертуллиан 1849: 96]. В таком случае, выходит, что, называя свое прегрешение перед общиной или священником вслух, то есть при помощи *голоса*, человек снимает с себя поношение. Если подобные умозаключения верны, мы можем сделать вывод, что в основе номинации бесчестия, посрамления лексемой *безгласие* кроется представление о том, что бесчестие – это то, о чем человек не говорит вслух, то, что не озвучивается перед другими. Об особой значимости голоса в процессе становления христианина также говорит лексема *огласить* ‘научить, наставить начальным истинам веры’ (СлРЯ XVIII в., т. 16: 160) и современный православный термин *оглашение* ‘период подготовки, предшествующий принятию новых членов в Церковь, т. е. таинству крещения’ [Оглашение]. Будучи семантической калькой греч. *κατήχησις* [там же], рус. *оглашение* может быть противопоставлено *безгласию*: тогда за внутренней формой слова *безгласие* в значении ‘посрамление’ может стоять представление о том, что не осведомленный в христианском учении человек несет на себе позор своего незнания и отвержения истинной веры.

Так или иначе, *безгласие* в значении ‘посрамление’ встраивается в единую семантическую систему с другим словом из гнезда *без*-derivатов от основ с обобщенным значением «язык и речь» – со словом *бессловесие* в значении ‘проклятие’ («*Есть бессловесие паче а не благословение*») (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 169): подобные ассоциативные связи двух слов подчеркивают особый статус ситуации говорения, способности к

речи в аксиологической системе носителя языка. Еще раз заметим: *безгласие* и *бессловесие*, развивающие значение ‘посрамление’ и ‘проклятие’ соответственно, образованы по единой словообразовательной модели, когда негативирующая приставка *без*- присоединяется к основе тематической группы «язык и речь» – развитие у таких слов сходных значений позволяет предположить, что связь языка и речи со славой, честью, благословением и т. п. может иметь системный характер в сознании носителя языка.

Анализ значений, которые развивают *без*-префиксальные лексемы от слова *голос*, позволяют сделать некоторые выводы.

Во-первых, стоит обратить внимание на широкий спектр значений, которые развиваются внутри данного гнезда: представления о различного рода повреждениях, искажениях голоса, а также ситуации его отсутствия или исчезновения закрепляются в языке, свидетельствуя о высокой значимости реалии, ставшей основой номинации. Голос – важный инструмент человека в коммуникации, от успешного построения которой нередко зависит жизнь и судьба говорящего. Потому и любого рода проблемы, возникающие с этим «инструментом», не могут быть не отмеченными носителями языка, что, по справедливому замечанию О. Д. Суриковой, способствует развитию широкого спектра значений, связанных с негативными (в социальном плане) качествами и свойствами человека [Сурикова 2016: 39]. При этом заметим, что примерно в равной степени разнообразны системы значений и в истории русского литературного языка, и в говорах – наличие и «исправность» голоса значимы для любого типа традиции.

Во-вторых, любопытными представляются случаи развития значений, выходящих за рамки коммуникативного акта в привычном понимании. Таким случаем, например, можно считать представленную в говорах семантику «мертвенности» у *без*-derivатов, указывающую на представления народного сознания о голосе как маркере мира посюстороннего, мира живых. Сюда же относим и семантику бесславия, бесчестия, обнаруженную у лексемы *бессловесие* в новгородских переводах Вульгаты, когда невозможность или нежелание огласить свои действия приравнивается к чему-то постыдному и бесславному. Нам представляется, что подобное расширение семантики производных настоящего гнезда можно представить в виде следующего «пути»: голос как физиологическое явление – социальная роль голоса (в данном случае она проявляется в возможности озвучить свое мнение, свою позицию в той или иной ситуации / в том или ином обществе) – голос как явление экзистенци-

альное. Наличие/отсутствие голоса, таким образом, не только определяет исход коммуникативного акта, но и становится критерием сначала социальной, а затем и религиозной оценки личности (с точки зрения чести и бесчестья), равно как и показателем жизнеспособности человека. Все значения тем или иным способом отсылают нас к первостепенной роли говорения в ситуации коммуникации: именно социальная значимость голоса, точнее, способности озвучить свое мнение/решение/позицию вслух, выводит значимость наличия голоса и его надлежащего состояния на уровень экзистенциальных человеческих ценностей.

Молва

Гнездо без-префиксальных дериватов слова *молва* в русском языке является в большей степени книжным: исторические литературные материалы показывают более широкую и более разнообразную систему слов и значений по сравнению с диалектными.

Первая группа значений гнезда связана с семантикой **молчания** и производной от нее семантикой **тишины**. В исторических словарях были обнаружены следующие лексемы: ц.-сл. *безмолвствие/безмолвство* 'молчание, тишина' (Филк.: 104–105), ц.-сл. *безмолвие* 'тишина, уединение, молчание' («*Да съ безмолвиемъ делаяще, свои хлебъ ядитъ*») (Ал., ч. 1: 53), др.-рус. *безмолвие* 'молчание' (*Егда отвързе 7-ю печать, быс<тъ> безмолвие на небесахъ, яко польгодины*), ст.-рус. *безмовление* 'молчание' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 117–118), др.-рус. *безмолвный/безмолвый* 'молчаливый' (там же), ст.-рус. *безмолвствие* 'молчание', *безмолвствовать* 'молчать' (ПОС, вып. 1: 155), XVIII в. *безмолвственный* 'ничего не говорящий, молчащий' (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 178), ц.-сл. *безмолствовать* 'молчать, наблюдать молчание, не говорить' (ОЦСРС, ч. 1: 64), ц.-сл. *безмолвь* 'в молчании, приняв обет молчания' (Филк., 105), ц.-сл. *любобезмолвный* 'любящий безмолвие' (СлРЯ, т. 2: 274). Аналогичные значения отмечаются в русских говорах: брянск. *безмоўна* 'безмолвно', *безмоўны* 'безмолвный, молчаливый' (Раст.: 52).

Молчаливое поведение человека последовательно и в истории русского литературного языка, и в говорах связывается с семантикой **спокойствия**. Так, исторический срез литературного языка дает следующие лексемы: ц.-сл. *безмолвити/безмолвствовать* 'пребывать спокойну' (*И зверие безмолвятъ на ложахъ своихъ*», «*И любезно прилежати, еже безмолвствовати*) (Ал., ч. 1: 53), ц.-сл. *безмолвно* 'безмятежно, спокойно, беззаботно' (ОЦСРС, ч. 1: 64), XVIII в. *безмолвный* 'исполненный тишины, покоя' (*В безмолв-*

ной области поныне Я слышу сладкострунный шум!) (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 178), др.-рус. *безмолвие/безмолвствие/безмолвство* 'спокойствие' (*и безмолвие любити. И внимати единому пощению и молитве*) (СлРЯ, т. 1: 127), ст.-рус. *безмолвенный* 'спокойный, безмятежный' (*И поживъ 15 летъ в безмолвствии и управляя иноческое житие и правило божественое неосклабно исправляя и многи беды ту от бесовъ приять*) (ПОС, вып. 1: 155). Контексты показывают, что в данном случае речь идет не только о человеке, как о субъекте молчания, но и о животных (*зверие безмолвятъ*) (Ал., ч. 1: 53), и о пространстве вокруг человека (*В безмолвной области* (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 178)).

Нам представляется, что именно от семантики спокойствия без-префиксальные дериваты слова *молва* развивают семантику **невозмутимости** (сюда же мы включаем и значение беззаботности, и «неотвлекаемости»): ц.-сл. *безмолвный* 'неотвлекаемый, неразвлекаемый' (*да тихое и безмолвное житие поживемъ*, ср. в синодальном переводе Библии: *жизнь тихую и безмятежную*) (Гильт.: 68), ц.-сл. 'мирный, отрешенный от земных интересов' (Филк.: 105), ц.-сл. *безмолвие / безмолвствие* 'безмятежие, спокойствие' (ОЦСРС, ч. 1: 64).

Вероятно, как и в предыдущем гнезде, с семантикой спокойствия связано значение **безропотности** у др.-рус. *безмолвие* 'безответность, безропотность' (*имети же в безмолвии смирение*) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, 117), близкого к ц.-сл. *безгласен* 'покорный, молчащий' и XVIII в. *безгласный* 'безответный; не имеющий никакого оправдания' (см. выше) как на уровне лексического значения, так и на уровне коннотаций: согласен приведенным в словарях контекстам покорность явно получает одобрение среди говорящих. По всей видимости, к этой же семантической группе стоит отнести семантику **скромности**: ц.-сл. *безмолвить* 'молчать, быть спокойным, скромным' (ОЦСРС, ч. 1: 64).

Наконец, с появлением феномена подвижничества (что могло предполагать среди прочего обет молчания подвижника) у лексем описываемого гнезда развилась семантика **уединения**: ц.-сл. *безмолвие* 'уединение' (*Да съ безмолвиемъ делаяще, свои хлебъ ядятъ*) (Ал., ч. 1: 53), ц.-сл. *безмолвник* 'уединенный, пустынный, пустынножитель, отшельник, удалившийся от мирских сует' (ОЦСРС, ч. 1: 64), XVIII в. *безмолвно* 'безмятежно, в тишине, или уединенно' (САР, ч. 1: 143), XVIII в. *безмолвный* 'уединенный, отдаленный от общества людского' (*Имея келию безмолвну*) (там же), XVIII в. *безмолвствовати* 'жить уединенно, вести пустынную жизнь' (*Шедъ въ келию свою безмолвствоваши*) (там же).

Заметим, что развитие значений в рамках данного гнезда проходит по вполне закономерному пути. Отсутствие *молвы* сначала рассматривается в аспекте акустическом, и в таком случае появляются значения, связанные с тишиной и молчанием, а далее – в аспекте коммуникативном, социальном: отсутствие разговоров и толков тогда последовательно осмысливается как черта человеческого характера, и потому рождаются значения спокойствия, скромности и уединенности. Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от предыдущего гнезда (с производящей основой *-голос-/-глас-*) в данном значения *без-*префиксальных дериватов имеют преимущественно положительную окраску. Это объясняется различиями в значениях производящих основ. Первоначальным значением производящего **mьlviti* считается ‘шуметь, громко разговаривать, громкий говор’ (ЭССЯ вып. 20: 227), в старославянских памятниках письменности также фиксируется глагол *мльвити* в значениях ‘шуметь, волноваться’ и ‘заботиться, беспокоиться’ (Цейтл.: 330), отсюда и отсутствие шума, громкого говора, возмущения, ропота, волнения, беспокойства и проч. мыслится как явление положительное. И. И. Макеева замечает, что постепенно в истории восточнославянской письменности глагол *молвити* «начинает уходить на периферию языкового употребления, сохраняясь в фольклорных текстах, особенно в сказках» [Макеева 2000: 69]. По словам исследователя, глагол *молвити* в отличие от иных глаголов говорения «в наибольшей степени сохранил связь с речевым актом» [там же: 70], что при создавшейся ситуации лексической и семантической избыточности ограничило сферу употребления слова, закрепив его преимущественно в церковнославянском и шире – книжном – дискурсе. Размышляя о периферийности слов *молва* и *молвить*, С. М. Толстая указывает, что подобное явление замечается во всех славянских языках, где *молва* не утратила до конца свою «неязыковую» семантику [Толстая 2000: 180]. Как представляется, две озвученные позиции не противоречат друг другу: вероятно, именно «неязыковая» семантика, то есть значения ‘шум’, ‘гам’, ‘громкий говор’ и т. п., позволила глаголу *молвить* прочнее остальных сохранять связь с речевым актом, не трансформируясь в обозначение содержания сообщаемого и не приобретая иных семиотических смыслов. Так или иначе, именно периферийность, ограниченность сферы употребления лексики настоящей производящей основы объясняет гораздо менее разветвленную систему значений по сравнению с той, что мы встречали в гнезде производных от основ *-голос-/-глас-*.

Выводы

Голос и молва – «элементы» коммуникации, которые весьма условно относятся к разным позициям коммуникативного процесса: когда мы говорим о голосе человека, мы обращаем особое внимание на роль говорящего, которую человек в данном случае исполняет голосом как «инструментом», когда же мы ведем речь о молве, нам, скорее, важнее позиция слушателя (слышателя) – нас интересует не то, как говорят и кто говорит, но то, что было услышано участником коммуникации. Это следует из лексического значения слова: 1. Слухи, вести, толки. 2. *Устар.* Звуки голосов, речи, разговоров; голос. (БАС, т. 10: 325–326): выходит, что голос – собственно инструмент говорящего, молва – продукт того, что было «сотворено» этим «инструментом» и уже воспринято (в какой-то мере обработано) слушателем.

С этой позиции интересно сравнить гнезда лексики, называющей отсутствие голоса и молвы.

И в том, и в другом гнезде закономерно развиваются значения, связанные с различного рода номинацией *тишины*, при этом в случае с отсутствием голоса абсолютно все значения так или иначе связаны с субъектом говорения, более того, большинство подразумевает различного рода нарушения и повреждения «инструмента» говорения – голоса: например, ц.-сл. *безгласие*, *обезгласнети*, *безгласной/ый*, влг., забайк. *безгласно/ый* (напомним также, что отдельная группа значений внутри данного гнезда – значения собственно голосовых повреждений), остальные фиксации не предполагают обязательного наличия проблем с голосом, но тем не менее продолжают указывать на субъекта, как, например, фразеологизм *нем как безголосая рыба* ‘об упорно молчащем человеке’ связан с волеизъявлением говорящего, и даже выражение *безголосая собака* (XVIII в.) ‘гончая собака, не подающая голоса при преследовании зверя’, не будучи связанным с человеком, при этом указывает на субъекта «говорения» – существо, обладающее голосом, отсюда и значения данных лексем в большинстве своем сводятся к ‘немоте’. Не так во второй группе *без-*дериватов: производные от основы *-молв-* по понятным причинам не связаны ни с какими физиологическими повреждениями – в значениях данного гнезда, скорее, присутствует некоторое волеизъявление субъекта молчания: ср. ц.-сл. *безгласие* ‘молчание, или состояние немого’ (Ал., ч. 1: 49) и ц.-сл. *безмолвствие/безмолвство* ‘молчание, тишина’ (Филк.: 104–105), ц.-сл. *безмолвие* ‘тишина, уединение, молчание’ (*Да съ безмолвиемъ делающе, свои хлебъ ядитъ*) (Ал., ч. 1: 53), др.-рус. *безмолвие* ‘молчание’ (*Егда отвързе 7-ю печать, быс<тъ>*

безмолвие на небесахъ, яко польгодины), ст.-рус. безмолвение 'молчание' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 117–118), ст.-рус. безмолвствие 'молчание' (ПОС, вып. 1: 155); ц.-сл. обезгласнети 'лишиться способности говорить, потерять голос' (Ал., ч. 3: 125) и ст.-рус. безмолвствовать 'молчать' (ПОС, вып. 1: 155), ц.-сл. безмолствовать 'молчать, наблюдать молчание, не говорить' (ОЦСРС, ч. 1: 64); безгласной/ый 'лишенный способности говорить; немой' (Филк.: 100), влг., забайк. безгласно/ый 'лишенный способности говорить' (Майор.: 38; Мишн.: 13) и др.-рус. безмолвный/безмолвый 'молчаливый' (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 117–118), XVIII в. безмолвственный 'ничего не говорящий, молчащий' (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 178), ц.-сл. любобезмолвный 'любящий безмолвие' (СЦСРЯ, т. 2: 274), брянск. безмоуны 'безмолвный, молчаливый' (Раст.: 52); ст.-рус. безгласно / безгласне 'безмолвно, тихо' (*прилучися убо представление его [епископа Арсения] вскоре безгласно, и никтоже о семъ да дивится, понеже... мнози же и грешники не нужною, но тихою и кроткою смертию разлучаются от тела*) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 101) и ц.-сл. безмолвь 'в молчании, приняв обет молчания' (Филк.: 105), брянск. безмоуна 'безмолвно' (Раст.: 52). Из перечисленного следует, что там, где тишина и молчание названы лексемами с корнем -голос-/-глас-, как правило, существует ситуация физической невозможности говорить (немота, смерть и др.), там, где производным становится корень -молв-, речь идет скорее о молчании преднамеренном, не связанном с физическими возможностями субъекта речи. Впрочем, эту закономерность нарушают следующие примеры: XVIII в. безголосая собака 'гончая собака, не подающая голоса при преследовании зверя' (СлРЯ XVIII в., вып. 1: 167), XX в. нем как безголосая рыба 'об упорно молчащем человеке' (РБСС: 620), перм. безголосый 'молчаливый или молчащий' (СРНГ, вып. 2: 185), перм. безгласить / безголосить 'молчать' (Пор.: 37) – каждая из этих лексем (пожалуй, за исключением образного выражения *нем как безголосая рыба* 'об упорно молчащем человеке' (РБСС: 620)) свидетельствует о том, что у без-производных -голос-/-глас- также появляется возможность обозначать ситуацию молчания, не обусловленную физической невозможностью говорящего, вероятно, по аналогии с другими без-производными лексиками говорения.

Далее стоит отметить, что, не указывая ни на какие голосовые повреждения, без-производные -молв- этой же семантической группы в целом тоже обнаруживают связь значений с субъектом речи: лексемы группы преимущественно называют молчание и связанные с ним характери-

ки и явления (например, ц.-сл. безмолствовать, безмолвь, любобезмолвный и др.), однако в нескольких лексемах уже наблюдается тенденция к расширению значения от человеческого молчания до тишины вообще: ц.-сл. безмолвствие/безмолвство 'молчание, тишина' и безмолвие 'тишина, уединение, молчание' (*Да съ безмолвиемъ делаяще, свои хлебъ ядитъ*). Заметим, что на основании приведенных контекстов судить об окончательном формировании нового значения рано: очевидно, речь идет о человеке и его действиях, поэтому некоторое внимание к субъекту речи здесь всё еще усматривается, однако из контекста также становится ясно, что фокус теперь в большей степени направлен не на речевые способности говорящего, а на производимое им впечатление – впечатление атмосферы тишины, которое формируется образом действия того, о ком идет речь в тексте. Окончательное развитие значения, по всей видимости, мы наблюдаем в семантической группе без-дериватов от основы -молв- с обобщенным значением **спокойствия**: безмолвным (в значении 'спокойным') теперь может быть не только человек или животное (ц.-сл. безмолвити/безмолвствовать 'пребывать спокойну': *И зверие безмолвятъ на ложахъ своихъ*), но и пространство/обстановка вокруг человека (безмолвный 'исполненный тишины, покоя': *В безмолвной области поныне / Я слышу сладкострунный шум!*). Однако подобный выход за пределы коммуникации наблюдается не только среди без-производных -молв-, но и среди без-производных -голос-/-глас-: так, у последних развиваются значения, связанные с семантикой **отсутствия жизни** (безгласный и его контекстное значение 'о мертвом': *«Не было такого человека, которой не плакать на него смотря: потому вчера съ нами, а ныне безгласень лежитъ»*) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: с. 101)), с семантикой **неявности, неочевидности**: ц.-сл. безгласно 'тайно, скрыто' (Филк.: 100), безгласный 'не зарегистрированный, неоглашенный' (там же), XVIII в. безгласное дело 'дело не обнаруженное' (САР 1806, ч. 1: 129), довод безгласный 'называется в суде такой довод, которой не от доносителя или свидетеля представлен, но из некоторого обстоятельства выведен' (САР 1789, ч. 1: 533), безгласной 'не объявленный, не взятый на учет, принятый без регистрации' (Майор.: 38), с семантикой **поссесивности** (с мол. безгласный 'ничей, никому не принадлежащий' (*И дошедъ до безгласной земли пустоши Захарковой*) (Сл.Смол.: 26)) и с семантикой **бесславия** (безгласие 'посрамление' (Лев.: 326)). Нельзя не заметить, что семантические «выходы» за пределы коммуникативной ситуации у лексем того и другого гнезда идут по раз-

ным путям: по всей видимости, в данном случае стоит вновь говорить о том, что разница значений отчасти связана с каузацией «безгласия» и «безмолвия». «Безгласие» во всех случаях обусловлено тем или иным недостатком: отсутствием регистрации, доказательств, прав на собственность или ведения, понимания. Хотя, конечно, «безмолвие» и внутренней формой, и развиваемыми значениями связано с отсутствием звука, трудно сказать, что лексемами основы -молв- называется недостаток или дефицит: в данном случае на первый план выходит не самое отсутствие речи (звук), но эффект/состояние/качество, которое обретается или устанавливается впоследствии.

Следующая общая точка в развитии значений без-дериватов -голос-/-глас- и -молв- – семантика **безответности, безропотности**. Так, среди без-дериватов -голос-/-глас- развиваются значения **безответности, покорности, беспомощности, бесправности**: ц.-сл. *безгласен* ‘покорный, молчащий’ (Гильт., 66), (яко *агнець прямо стригущему его безгласень*) (там же), XVIII в. *безгласный* ‘безответный; не имеющий никакого оправдания’: «Вина делает его безгласным» (САР 1806, ч. 1: 127), XIX в. *безгласный* ‘не могущий оглашать своего мнения, по обстоятельствам или по недостатку воли, самостоятельности; человек без веса и влияния’ (Даль, т. 1: 149–150), *безгласность* ‘состояние человека, не могущего подать своего голоса, высказать своего мнения; || безвластие, бессилие в делах, распоряжениях’ (Даль, т. 1: 150), забайк. *безгласной* ‘такой, который не может защитить себя, требует ухода за собой; бесправный, беспомощный’ (Майор.: 38), XIX в. *безгласный* ‘не имеющий законного права подавать голос’, *безгласить* ‘лишать голоса, власти’ (Даль, т. 1: 150), а в говорах – урал. *безголосица* ‘лишенный права голоса на выборах’ (Бир.: 182), перм. *безголосить* ‘лишать голоса, власти’ (СРНГ, вып. 2: 185); а среди без-дериватов от основы -молв- – значения **невозмутимости, скромности, уединения**: ц.-сл. *безмолвный* ‘неотвлекаемый, неразвлекаемый’ (да *тихое и безмолвное житие поживемъ*) (Гильт.: 68), ц.-сл. ‘мирный, отрешенный от земных интересов’ (Филк.: 105), ц.-сл. *безмолвие* / *безмолвствие* ‘безмятежие, спокойствие’ (ОЦРС, ч. 1: 64), др.-рус. *безмолвие* ‘безответность, безропотность’ (*имети же в безмолвии смирение*) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1: 117), ц.-сл. *безмолвить* ‘молчать, быть спокойным, скромным’, ц.-сл. *безмолвие* ‘уединение’ (*Да съ безмолвiемъ делающее, свой хлебъ ядятъ*) (Ал., ч. 1: 53), ц.-сл. *безмолвник* ‘уединенный, пустынный, пустынножитель, отшельник, удалившийся от мирских сует’ (ОЦРС, ч. 1: 64), XVIII в. *без-*

молвно ‘безмятежно, в тишине, или уединенно’ (САР 1806, ч. 1: 143), XVIII в. *безмолвный* ‘уединенный, отдаленный от сообщества людского’ (*Имея келию безмолвну*) (там же), XVIII в. *безмолвствовати* ‘жить уединенно, вести пустынную жизнь’ (*Шедъ въ келию свою безмолствоваше*) (там же).

Надо отметить, что семантически значения производных обоих гнезд достаточно близки, различия – в оттенках значений и коннотациях. Лишь ограниченное количество лексем обнаруживает предельную степень близости значений: речь идет о др.-рус. *безмолвие* ‘безответность, безропотность’ и ц.-сл. *безгласен* ‘покорный, молчащий’ и XVIII в. *безгласный* ‘безответный; не имеющий никакого оправдания’ (см. выше) – в обоих случаях безропотность и покорность человека оцениваются положительно, в соответствии с христианскими представлениями о покорном поведении верующего. В остальных же лексемах семантика без-производных различается: называя с помощью без-дериватов основы -голос-/-глас- такие качества человека, как безответность и покорность, мы имеем в виду, что человеку, о котором идет речь, недостает определенных черт характера (например, мужества, смелости, дерзости и др.), иными словами, мы говорим о его неспособности сделать что-либо, в случае же, когда мы называем человека скромным (с помощью без-дериватов основы -молв-), мы склонны считать, что его кроткое поведение – скорее, некоторое достоинство личности, ее приобретение – уже не лишение чего-либо, но обладание чем-либо. То же с безответностью и невозмутимостью: безответным может быть тот, кто не способен сказать что-то необходимое в подходящий момент, невозмутимым – тот, кто, наоборот, способен промолчать тогда, когда это необходимо. Пара «скрытность – уединение» также отличается деталями значений: и то, и другое про человеческую склонность к избеганию скоплений людей, однако первое слово (скрытность) мы назовем тогда, когда чье-либо стремление к одиночеству нам кажется неестественным (или вообще осуждается), уединение же – характеристика человека, словно бы лишенная оценки, однако контексты (см. выше) нам показывают, что зачастую под таким уединением имеется в виду подвижническая деятельность монахов, которая в православной парадигме всё же имеет тенденцию к одобрению. Наконец, с отсутствием голоса связаны не только номинации особенностей характера и манеры поведения человека, но и «положение» человека в христианской «системе координат» – речь идет о слове *безгласие* в значении ‘посрамление’.

Таким образом, анализируя значения без-дериватов, представленных в настоящей работе, мы видим, что с отсутствием голоса связаны номинации ситуаций, явлений, качеств, характеризующиеся преимущественно отрицательной оценкой: здесь и голосовые повреждения, и немота, и отсутствие жизни, и безответность, бесправность, покорность, скрытность, посрамление. Отсюда мы предполагаем, что голос представляется носителю языка как некий сущностный фактор, от которого зависит жизнь человека: и физическая (см. значение 'отсутствие жизни'), и социальная (об этом свидетельствуют все признаки и качества, называющие слабые стороны человеческого характера/поведения), и духовная (в случае с безгласием в значении 'посрамление') – скорее всего, такие представления о голосе происходят от понимания важности успешной коммуникации, от которой действительно подчас зависела и зависит жизнь человека. Однако надо сказать, что не всегда отсутствие голоса становится проклятием для говорящего – об этом говорят условно «положительные» значения, которые развиваются без-дериватами корня -молв- (молчание, тишина, спокойствие, невозмутимость, скромность, уединение). Мы неоднократно обращали внимание на то, что в ряде случаев различия значений без-производных двух гнезд заключаются в том, что становится причиной условного «молчания»: значительная часть значений дериватов основы -голос-/-глас- связана с принудительным молчанием, возникающим вследствие не зависящих от человеческого волеизъявления факторов, семантика же дериватов основы -молв-, наоборот, указывает на ситуации, когда отсутствие речи или звука становится следствием самостоятельного решения человека. В свете подобного распределения значений внутри гнезд можно предположить, что ценностью для носителя языка обладает не столько сам голос и возможность и участвовать в коммуникации, сколько способность этими «инструментами» распоряжаться должным образом: молчание положительно маркируется в тех случаях, когда говорящий установил его осознанно, имея перед собой некую высшую цель (монашеское послушание, воздержание от гнева, недопущение чрезмерной болтливости), и наоборот, молчание осуждается тогда, когда человек не смог надлежащим способом воспользоваться голосом (не ответил обидчику, не постоял за себя в суде и проч.) или когда лишился его вследствие непреодолимых обстоятельств (по болезни, при смерти, под давлением кого-то извне и т. п.).

Список источников

- Ал. – *Алексеев П. А.* Церковный словарь. 4-е изд. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1817. Ч. 1. 279 с.
- Ал. – *Алексеев П. А.* Церковный словарь. 4-е изд. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1818. Ч. 3. 368 с.
- БАС – *Большой академический словарь русского языка* / ред. Л. Е. Кругликова, В. П. Фелицына. М.: Наука, 2008. Т. 10. 571 с.
- Бел. – *Белякова С. М.* Эстетическое начало народной речи. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2018. 189 с.
- Бир. – *Бирюков В. П.* Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Свердловск: Свердл. книж. изд-во, 1953. 290 с.
- Гилт. – *Гильтебрандт П. А.* Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. Петроград: Типография А. М. Котомина, 1882. 2448 с.
- Даль – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1903. Т. 1. 1744 с.
- Двор. – *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
- Добр. – *Добровольский Д. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914. 1022 с.
- Лев. – *Левичкин А. Н.* Неизвестный памятник Новгородской письменности конца XV – начала XVI века (словарь к Геннадиевской библии) // Севернорусские говоры. / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2014. Вып. 13. С. 265–336.
- ЛКЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации).
- Майор. – *Майоров А. П.* Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011. 584 с.
- Мишн. – *Мишнев С. М.* Тарногский говор. Вологда: Полиграф-Книга, 2013. 343 с.
- ОЦРС – *Общий церковно-славяно-русский словарь.* СПб: Тип. Император. Рос. акад., 1834. Ч. 1. 1692 с.
- Пор. – *Порохова О. Г.* О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах. 1. Варьирование. // Диалектная лексика 1969 / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1971. С. 27 – 49.
- ПОС – *Псковский областной словарь с историческими данными* / ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. Вып. 1. 199 с.
- Раст. – *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / ред. Е. М. Романович. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.
- РБСС – *Володина Т. В., Мокиенко В. М.* Русско-белорусский словарь сравнений. Минск: Беларуская навука, 2018. 811 с.
- САР 1789 – *Словарь Академии Российской.* СПб: Император. акад. наук, 1789. Ч. 1. 1150 с.

САР 1806 – Словарь Академии Российской. СПб: Император. акад. наук, 1806. Ч. 1. 1310 с.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988. Т. 1. 526 с.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. Вып. 1. 371 с.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. Вып. 12. 384 с.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984. Вып. 1. 224 с.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. З. М. Петрова. СПб.: Наука, 2006. Вып. 16. 277 с.

Сл.Смол. – Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск, 2000. 367 с.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии А–Я / под ред. З. П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1. 364 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. 314 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1970. Вып. 6. 358 с.

СРСГСЧБРО – Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби (дополнение) / ред. О. И. Блинова, В. В. Палагина. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975. Ч. 1. 277 с.

СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847. Т. 2. 472 с.

Филк. – Филкова П. Д. Староболгаризмы и церковнославянизмы русской литературного языка. София: Софийский ун-т «Климент Охридски», 1986. Т. 1. 517 с.

Цейтл. – Старославянский словарь / ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благая. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1994. Вып. 20. 255 с.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. и др. Язык о языке: сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с.

Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М.: Индрик, 2021. 584 с.

Гусева Л. Г. Слова с префиксом без- (бес-) в устаревшей уральской лексике // Гусева Л. Г. Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / ред. С. Г. Галинова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. Вып. 3. С. 206–214.

Журавлев А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры / ред. Н. И. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 7–32.

Макеева И. И. Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке: сб. ст. / ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 63–155.

Обнорский С. П. Префикс «без-» в русском языке // С. П. Обнорский, Избранные труды по русскому языку / ред. О. Г. Шикина. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1960. С. 195–206.

Оглашение // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2578175.html> (дата обращения: 18.07.24).

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / ред. Н. И. Толстой. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 575 с.

Сурикова О. Д. Лексические единицы с приставкой и предлогом без в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 604 с.

Тертуллиан. О покаянии // Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века. Ч. 2. / пер. Е. Карнеева. СПб., 1849. С. 80–101.

Толстая С. М. Концепт слово в истории русского языка // Язык о языке: сб. ст. / ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 172–192.

References

Arutyunova N. D. et al. *Yazyk o yazyke* [Language about Language]: a collection of articles. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, LRC Publishing House, 2000. 624 p. (In Russ.)

Bondarenko E. D. *Naivnaya lingvistika i dialektnoye yazykovoe soznanie* [Naive Linguistics and Dialectal Linguistic Consciousness]. Moscow, Indrik Publ., 2021. 584 p. (In Russ.)

Guseva L. G. Slova s prefiksom bez- (bes-) v ustarevshey ural'skoy leksike [Words with the prefix bez- (bes-) in obsolete Ural vocabulary]. *Onomasti-*

ka i dialektnaya leksika [Onomastics and Dialectal Vocabulary]: a collection of articles. Ed. by S. G. Galinov. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 1999, issue 3, pp. 206-214. (In Russ.)

Zhuravlev A. F. Drevneslavyanskaya fundamental'naya aksiologiya v zerkale praslavyanskoy leksiki [Old Slavic fundamental axiology in the mirror of Proto-Slavic vocabulary]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury* [Slavic and Balkan Linguistics. The Problems of Lexicology and Semantics. A Word in the Context of Culture]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 7-32. (In Russ.)

Makeeva I. I. Yazykovye kontsepty v istorii russkogo yazyka [Language concepts in the history of the Russian language]. *Yazyk o Yazyke* [Language about Language]: a collection of articles. Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 63-155. (In Russ.)

Obnorskiy S. P. Prefiks 'bez-' v russkom yazyke [The prefix 'bez-' in the Russian language]. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Ed. by O. G. Shikin. Moscow, State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1960, pp. 195-206. (In Russ.)

Oglashenie [Catechism]. *Pravoslavnaya Entsiklopediya pod redaktsiey Patriarkha Moskovskogo i*

vseya Rusi Kirilla [Orthodox Encyclopedia edited by Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus']. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/2578175.html> (accessed 18.07.24). (In Russ.)

Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publishing House, 1995, vol. 1. 575 p. (In Russ.)

Surikova O. D. *Leksicheskie edinit'sy s prstavkoy i predlogom bez v russkikh narodnykh govorakh i fol'klore: semantiko-motivatsionnyy i etnolingvisticheskiy aspekty* [Lexical units with the prefix and preposition bez in Russian folk dialects and folklore: semantic-motivational and ethnolinguistic aspects]: Cand. philol. sci. diss. Yekaterinburg, 2016. 604 p. (In Russ.)

Tertullian. O pokayanii [On repentance]. *Tvoreniya Tertulliana, khristianskogo pisatelya v kontse vtorago i v nachale tret'yago veka* [The Works of Tertullian, a Christian Writer of the Late Second and Early Third Centuries]. Transl. by E. Karneev. St. Petersburg, 1849, pt. 2, pp. 80-101. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Kontsept slovo v istorii russkogo yazyka* [The concept 'word' in the history of the Russian language]. *Yazyk o yazyke* [Language about Language]: a collection of articles. Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 172-192. (In Russ.)

Derivatives from the Stems -golos-/-glas- and -molv- with the Prefix bez- in the History of the Russian Standard Language and in Dialects

Nataliya A. Popova

Master's Student, Research Assistant in the Department of Russian Language,
General Linguistics and Speech Communication

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620083, Russia. singyoutosleeppp@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7369-054X>

ResearcherID: LBI-3163-2024

Submitted 21 Sep 2024

Revised 05 Oct 2024

Accepted 13 Feb 2025

For citation

Popova N. A. Bez-prefiksalye derivaty korney -golos-/-glas- i -molv- v istorii russkogo literaturnogo yazyka i v govorakh: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Derivatives from the Stems -golos-/-glas- and -molv- with the Prefix bez- in the History of the Russian Standard Language and in Dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 78-89. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-78-89. EDN GLUMDA (In Russ.)

Abstract. The present work is devoted to the study of vocabulary derived from the stem *-golos-/-glas-* and the stem *-molv-* with the prefix *bez-* as it appears in the history of the standard language and in its dialects. The main objective of the study is to identify the semantic-and-motivational uniqueness of the mentioned word-formation nests, which makes it possible to describe the metalinguistic reflection of native speakers in the Russian linguo-cultural tradition. The work analyzes the semantics of *bez-*derivatives from the stems *-golos-/-glas-* and *-molv-*, offers motivational solutions for non-trivial cases of semantics development in this lexical group, describes the features of the functioning of the named lexical group in the literary version of the language and in its dialects. The study has revealed the following: the motivational feature of the absence of *voice* (stem *-golos-/-glas-*) is hidden in the internal form of vocabulary naming human qualities that are predominantly negative in nature; on the contrary, the absence of *rumors* (stem *-molv-*) is associated with socially approved human characteristics and qualities. An analysis of the semantics of the vocabulary described in the work and of the contexts in which it is used shows that such differences indicate the values that the native speakers adhere to: the ability to correctly use the ‘tools’ of communication is considered to be more important than the actual presence and condition of these ‘tools’.

Key words: dialectology; historical linguistics; prefixes; word formation; semantic-motivational reconstruction.